

Татьяна и Ирина Хатанзейские с подружкой на тротуаре у Дома. Ульяновск, бульвар Пластова. 1960-е

Семья любая знать должна, кто прадед был...

Самая большая удача моей жизни, можно сказать, счастливый билет – семья, в которой я родилась.

Нашу семейную историю по женской линии я знаю благодаря бабушке Ирине Владимировне Володиной-Вундерлих и прабабушке Надежде Владимировне Манчтет-Сушинской. В трагический XX век они сумели сохранить семейный архив Самойловых-Сушинских-Манчтет-Володиных, передав будущим поколениям нашего рода эстафету исторической памяти, семейных ценностей, истинной интеллигентности.

Сегодня, глядя на фотографии столетней давности, читая письмо, написанное прапрабабушкой Софьей Ивановной Сушинской-Самойловой, изучая аттестат деда Владимира Ивановича Володиной, полученный 1 мая 1917 года, понимаешь меру их подвига во имя будущего.

Часть I

Здесь живёт моё детство

Вот уже более 40 лет нет нашего Дома, но в душе он продолжает существовать, и поэтому я пишу «Старый Дом» с большой буквы, как имя собственное.

Наш Старый Дом стоял в конце улицы Гончарова (ныне бульвар Пластова) вторым от угла, от оврага (на его склоне написано «Ленин»), напротив одного из знаменитых скверов на Пролетарской (бывшей Завьяловской) площади-сквера «Любовь». Был он в три окна: в центре большое сдвоенное, по бокам более узкие. Из окон виднелся Старый Венец с ровными квадратами стриженного карагача, Волга и Пальцинский, или Змеинный остров. Напротив громоздились корпус общежития пединститута.

С западной стороны были ворота во двор, с восточной – дверь в парадное и небольшое в две ступеньки крыльцо. У парадного за забором рос раскидистый вяз. В праздники – 7 ноября, 1 Мая – вывешивали над крыльцом флаг РСФСР.

Напротив Дома стояла водопроводная колонка. Люди, возвращающиеся с купания на Волге, стучали в наши окна с просьбой дать стакан, чтобы

напиться. Мы даже оставляли на карнизе зелёную эмалированную кружку для воды.

Дом был небольшой: 4 комнаты и узкая, как пенал, кухня. Вход – с восточной стороны через широкое парадное с тремя высокими окнами с внутренними ставнями. С южной стороны – сени с чуланами, с западной – дровяник, переделанный впоследствии в жилое помещение с отдельным входом.

Мысленно возвращаюсь в обстановку нашего Дома: рояль фирмы «Беккер» в гостиной-

столовой, на стене – натюрморт «Пионы» в багетной раме и фотографии моей мамы Натальи Владимировны Володиной в шифоновом платье с цветами в руках (фотография сделана на Дальнем Востоке, где мама работала после окончания инфака Ульяновского педагогического института); моей тети – Надежды Владимировны Гончаровой-Володиной с великолепной улыбкой на красивом лице; моих дядей – Ивана и Георгия Владимировичей – в военной форме (снимки сделаны во время прохождения ими службы в рядах Советской армии).

С обеих сторон – старинные чёрные полочки с изящно нарисованным орнаментом. Диван с валиками

Так выглядел наш Дом в послевоенные годы

был под льняным чехлом, на нём – две подушки: одна с вышитым крестиком нарядным петухом, другая – с букетом цветов. Зелёные тяжёлые портьеры обрамляли двери с бронзовыми ручками.

В середине комнаты – круглый стол, над ним – оранжевый абажур с бахромой (впоследствии заменённый строгой люстрой, чёрной с золотой каймой). Налево от двери – часы с кукушкой, под ними – кресло с высокой спинкой. Память хранит резной старинный буфет с выдвигающимися ящиками и доской для резки хлеба.

Как здорово было холодными зимними вечерами прижаться к печке-голландке с «Пятнадцатилетним капитаном» Ж. Верна или «Кортиком» А. Рыбакова и погрузиться в романтический мир героев любимых книг.

Комната Надежды Владимировны Манчтет, хозяйки Дома, – настоящий островок начала XX века в стиле модерн. Массивный письменный стол карельской берёзы с изогнутой столешницей и двумя фигурными тумбами в виде цифры «8», кресло, резная шифоньерка, украшенная растительным орнаментом, с бронзовыми дверными петлями и замочками. Над столом – барометр с термометром в резном корпусе, в овале – портрет Александра Александровича, мужа Надежды Владимировны,

в форме штабс-капитана. На самом столе – письменный прибор: крестьянин идёт с плугом за лошастью (бронза). Подобный был на выставке, посвящённой русской почтовой службе, в Петербурге. Слева стояла стилизованная настольная лампа из серого мрамора с абажуром из матового стекла, купленная в 1960-е годы. Очень тяжёлая.

На стене – картина в чёрной ажурной раме: охотники вышли из леса на берег реки, будут стрелять в пролетающих уток, уже подняли ружья... Два портрета в бордовых бархатных рамках: на первом – усатый бородатый военный, мой прапрадед Владимир Васильевич Сушинский. На парном портрете – Софья Ивановна Сушинская-Самойлова, его супруга и моя прапрабабушка.

А вот и наша комната! Очень интересная. Здесь жили мама, папа и я с сестрой Ириной. Одно окно в ней выходило на улицу, два – в парадное. Рядом соседствовали современный шифоньер и старинное бюро, накат на стенах и немецкий гобелен, дорогая люстра в форме колокольчиков и дешёвые ситцевые шторы. Здесь мы с сестрой учили уроки, мама готовилась к занятиям под настольной лампой, ласково называвшейся «грибок», папа – к экзаменам (он учился заочно в Московском историко-архивном

институте). В этом Доме написал он свои первые рассказы.

Самое замечательное в Доме – чуланы. Их было три. В первом, выходящем в парадное, с маленьким окошком наверху, хранились старые и даже старинные вещи. Например, испанский костюм небесно-голубого цвета, расшитый бисером. Его подарил родственник моего деда Владимира Ивановича Володина артист П.И. Чардынин.

Облачившись в мамино шифоновое платье, надев бабушкины лакированные туфли, т. е. «ценности» из вышеупомянутого чулана, мы ставили концерты, разыгрывали сцены из сказок, например «Золушки», на широком заднем крыльце, выходящем в сад.

Вход во второй чулан с инструментами, нотами и книгами, другими очень интересными и таинственными вещами был из сеней, но нас туда не пускали.

Третий чулан, отданный под продукты, частично принадлежал детям. В нём я хранила коллекцию окаменелостей, собранную в Захарьевском руднике под руководством Сергея Емельяновича Бирюкова, замечательного учёного, краеведа и любимого учителя. В этом чулане была «взаправдашняя» библиотека с каталогом и формулярами. Фонд составляли старые ветхие книги, списанные из библиотеки школы № 7 и отданные нам добрейшей Марией Михайловной Шапошниковой. Читателями же были наши друзья-соседи.

Манил всегда амбар. Он использовался в качестве дровяного сарая. На его чердаке нашли последнее пристанище старые венские стулья, ломберный стол, медный самовар, паровой уютю, а также моя плетёная коляска. Летом эти ценности вытаскивались в садик под яблони, где мы играли в дочки-матери и другие игры.

Но главное – это неповторимая атмосфера нашего Дома. Не зря Вера Ивановна Минеева, наш друг и знаменитая на весь город портниха-закройщица, называла его Домок-теремок.

Хоть и тесно было, и из удобств только холодная вода (остальное на улице), здесь царил необыкновенная душевная и духовная атмосфера. Создавали её, конечно, прабабушка Надежда Владимировна Манчтет и бабушка Ирина Владимировна Володина. В Доме чувствовалось уважение ко всем членам семьи, даже самым маленьким.

Вечером за ужином в гостиной-столовой каждый делился пережитым за день. Вместе читали новые журналы. Например, «Юность», самый любимый. Его выписывали с 1961 года.

И.В. Володина, Н.В. Манчтет, В.Н. Арнольд, А.С. Арнольд у ограды сквера «Любовь» напротив Дома. 1962 г.

Фото В. Арнольда

Обсуждали прочитанное. Такими вечерами познакомились мы с «Незнайкой» Н. Носова, «Без семьи» Г. Мало и другими шедеврами детской литературы. В выходные дни вечерами вместе с родителями и бабушками играли в лото и другие настольные игры.

Дом ВСЕГДА был открыт для ВСЕХ. Всех принимал в любое время. Родные и близкие, просто знакомые могли постучать в наши окна даже глубокой ночью, будучи уверенными, что их радостно встретят и обогреют. Машины однокурсницы, жившие в общешитии пединститута, прибегали погладить платья перед танцами (а уют ещё надо было развести и нагреть), друзья моих дядей толклись в наших «пенатах» с утра до вечера. Приходили сюда и наши с сестрой подружки и одноклассники.

Кто попадал к нам впервые, запоминал и любил наш Старый Дом. Это был по-настоящему ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ Дом.

Судьба нашего дома

У Дома, как и у человека, есть своя судьба и своя биография.

Наш Дом был куплен Александром Александровичем и Надеждой Владимировной Манчтет 22 марта 1922 года у Н.И. и И.И. Поповых, о чём говорится в договоре запродажи имущества. Купили его за 185 миллионов рублей по курсу того времени. Зарегистрирован он был в коммунальном отделе, находился же на усадебном месте во второй части Симбирска (сегодня это границы от ул. Тухачевского до верхней части ул. К. Маркса, от ул. Верхней Полевой до бровки волжского склона) под номером 14.

Купленная усадьба состояла из самого деревянного дома с флигелем и холодными строениями, «размером по улице 18 сажен, в задах 18 сажен, в глубь двора 7,5 сажен». Договор подписан лично Надеждой Владимировной и Александром Александровичем Манчтет (в нашем семейном архиве это единственный автограф Александра Александровича. – Авт.).

13 июня 1931 года право на 1/3 часть принадлежащего владения было продано за 900 рублей (по новому курсу) А.М. Жуковой. Пользование усадьбой было урегулировано «Договором право пользования строениями», по которому гр. Жуковой отходил флигель, крытый железом с надворными постройками. Наши владения заключались в Доме, выходящем на улицу с надворными

постройками: дровяником, погребом и хлебушком. «Садик вокруг дома Манчтет исключительно в пользовании Манчтет».

В общем пользовании остались ворота «с общим в случае надобности ремонтом». Далее оговаривались уборка снега и оплата поземельных, тоже общие. Так определились размеры усадьбы, где прошло детство моей мамы, её братьев и нас с сестрой.

31 декабря 1937 года был арестован и расстрелян Александр Александрович Манчтет. Надежду Владимировну уведомили о его смерти в 1940 году. 18 сентября того же года Н.В. Манчтет оформляет дарственную на 1/3 владения своей племяннице Ирине Владимировне Володиной, т. е. моей бабушке, а 24 июня 1941 года вступает в право наследования своего покойного мужа.

После войны ею сделано завещательное распоряжение, по которому наследницей всего имущества становилась моя бабушка Ирина Владимировна Володина. Хочу заметить, что её крёстным отцом был именно Александр Александрович Манчтет.

В 1949 году проходила инвентаризация жилого фонда Ульяновска. Наш Дом был оценен в 21 тысячу рублей. В удостоверении, выданном 12 мая 1949 года, было указано: «дом с надворными постройками не национализирован, находится в полном распоряжении и управлении Н.В. Манчтет и И.В. Володиной и может быть отчуждаем в порядке постановления Совнархоза от 5 августа 1921 года. Строения внесены в регистрационную книгу под № 353 часть 1».

Во время Великой Отечественной войны к нам, как ко всем жителям тыла, подсылали эвакуированных. В трудное послевоенное время комнату сдавали квартирантам. На это жили – Дом был кормильцем.

В этом Доме родилась я, моя сестра Ирина, двоюродный брат Саша.

Дом, переживший революцию, Гражданскую войну, Великую Отечественную войну, ветшал и требовал срочного ремонта. Такой ремонт совместными усилиями под руководством моего дяди Ивана Владимировича Володина сделали в 1957 году. Под Дом был подведён цементный фундамент, заменены оконные рамы, сняты старорежимные ставни, обновлены резные наличники, перекрыта новым железом крыша, покрашен фасад, отремонтировано крыльцо. Провели газ. Купили новинку – стиральную машину «Завод имени Владимира Ильича» (одну из первых в городе). Словом, Дом помолодел.

А.А. Манчтет. Промзино. 1910-е

В 60-е годы началась реконструкция города в рамках 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Мы оказались в Ленинской мемориальной зоне. Наш Старый Дом был обречён, как обречён весь наш квартал – душа старинного Симбирска.

Бабушке удалось продать Дом и амбар на слом. Дом за 1000 рублей, амбар за 600 или 700. Они оказались крепкими и хорошо сохранившимися. Когда оторвали дощатую обшивку, на некоторых брёвнах была прозрачная желтоватая смола. Мужики, купившие Дом, пронумеровали брёвна, раскатали их, увезли и собрали где-то в сельской местности.

К сожалению, я никогда не спрашивала, в какой район, село или деревню куплен и перенесён наш Дом. Может быть, он до сих пор стоит где-то, и в нём выросло ещё не одно поколение.

Так закончилась история нашего Дома. Мы получили квартиры в доме № 12 по ул. К. Либкнехта. На память остались фотографии и воспоминания. На месте, где был Дом, нынче растут берёзки...

Татьяна Ильина

Фото из семейного архива автора

(Продолжение в следующем номере)